

ЭО, 2009 г., № 4

© М. В. Лескинен

**"ФИНСКАЯ ЧЕСТНОСТЬ" В РОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА.
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СТЕРЕОТИПА***

Ключевые слова: история российской этнографии XIX в., Великое Княжество Финляндское, этнокультурные стереотипы финна, национальный характер, формирование национальной идеологии в Российской империи

Наши финляндцы... нравятся мне своим характером, быть может, немного суровым и тяжелым, как у большинства северных народов, но твердым, спокойным и мужественным в своей прямолинейной честности, вошедшей в принцип.

М.В. Крестовская

В описаниях российских путешественников конца XIX – начала XX в. значительное место занимали традиционные впечатления об отличительных чертах жизни, быта и нрава других народов. Заметки об этническом/национальном характере составляли важную особенность таких повествований, они также были неременным атрибутом научных географических очерков. Финская тема в этот период была довольно популярна в русской культуре и общественной мысли (Сойни 2004; Григорьева 2002; Витухновская 2004б).

Можно констатировать определенную общность высказываний о финнах в разноплановых суждениях эпохи: при описании финского национального характера (согласно терминологии эпохи – "нрава народа" или "народной психологии") российские авторы непременно указывали в качестве одной из его главных черт честность. В литературе, прессе и публицистике рубежа столетий и в начале XX в. честность финнов квалифицируется как "общеизвестная", неизменная и важнейшая черта их нрава. В данном случае перед нами предубеждение позитивного свойства. Высокая частотность упоминания, стабильность атрибутивных сочетаний, обобщение и гиперболизация в языковом выражении этих определений позволяют утверждать, что мы имеем дело с этническим стереотипом (Байбурин 1985; Стефаненко 2000: 241–250; Крысин 2002; McDonald 1993, Oakes 1994), причем существующим и в российском, и в финском сознании донныне (Мустайоки, Протасова 2004; Протасова, Мустайоки 2002; Финны 2007).

В настоящей работе предпринята попытка выявить генезис стереотипа "финской честности", его конкретное содержание и аксиологическую значимость в российских описаниях финнов и Финляндии, определить время его появления, а также причины эволюционирования из представления в устойчивый этнический стереотип. Мы также попытаемся определить, связано ли появление данного стереотипа с воздействием финского автостереотипа, и если да, то в какой степени. Материалом для исследова-

Мария Войттовна Лескинен – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН; e-mail: marles@zmail.ru

* Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 07-01-00155а).

ния послужили научные и публицистические описания финнов и Финляндии 1830–1890-х годов. Основными источниками стали путевые заметки и разножанровые сочинения о Финляндии и финнах, публиковавшиеся в России начиная с 1840-х годов, в особенности – географические, этнографические и антропологические научные описания последней трети XIX в. Для сравнения привлечены описания народов Российской империи в научно-популярных очерках и учебниках пореформенной эпохи, а также некоторые аналогичные этнографические репрезентации, претендовавшие на научную объективность.

Мы не будем затрагивать проблему формирования и функционирования *образа* финна в русской художественной литературе: во-первых, она довольно хорошо изучена (*Плетнев* 1842; *Kiparski* 1945; *Соломец* 2004; *Сойни* 2004 и др.), а во-вторых, мы исходим из того, что для анализа избранных нами источников необходимы иные методы, подходы и теоретические установки. Важным с точки зрения методики представляется разграничение понятий "образ", "представление" и "стереотип" *другого* с учетом историко-культурного контекста, позволяющее скорректировать интерпретацию смысловых значений и акцентов в языке и культурной практике; использование опыта анализа этнокультурных стереотипов в когнитивной и этнолингвистике (*Вежбицкая* 1997, 2001; *Ван Дейк* 1989: 161–189; *Quasthoff* 1998; *Bartmiński* 1986; *Бартминьский* 2005: 133–187); а также общеметодологические замечания об изучении стереотипов в традиционной и современной культурах (в частности: *Толстой* 1983; *Березович*, *Гулик* 2002; *Николаева* 2000; *Крысин* 2002; *Левкиевская* 2007¹ и др.). При анализе текстов научного (этнографического) характера весьма важно верно интерпретировать описания и оценки, т. е. соотносить их с применяемыми на данном этапе развития науки классификацией и терминологией (*Соколовский* 1993), а также с обыденными (со словными) и научными концепциями этничности (*Куприянов* 2004).

Мы исходим также из необходимости различения стереотипов: а) сложившихся в традиционном (доиндустриальном, и в частности крестьянском) обществе под влиянием конкретного исторического опыта и социальной практики, и б) созданных интеллигенцией и художественной элитой, в том числе "сконструированных" в процессе формирования национальной идентичности и идеологии и "внедренных" с использованием арсенала средств просвещения и пропаганды. Именно второй вид нам и предстоит рассмотреть.

Концепция "нрава народа" в российской этнографии XIX в.

Концепция национального характера имела важное значение для этнографии (формирующейся в середине XIX в. в предметном поле географии), которая лишь к концу столетия обрела статус самостоятельной дисциплины. "Нрав народа" виделся как врожденное качество, которое не подвержено изменениям под влиянием социально-культурных факторов. При описании народа его психические, умственные и нравственные качества, которые в совокупности представляли комплекс черт народного нрава², трактовались как объективно присущие народу/этносу. Кроме того, считалось, что они могут быть выявлены средствами внешнего наблюдения. Интерпретировались эти черты как этномаркирующие, следовательно, становились важным критерием определения этнической принадлежности. В истории российской этнографии данная концепция играла важную роль: согласно взглядам и представлениям о предмете и методах этнографической науки, выработанным Н.И. Надеждиным (*Надеждин* 1994), нрав ("психология") народа рассматривался в качестве элемента народности (этничности), а описание "нравственных и умственных качеств" входило во все российские Программы сбора этнографических сведений вплоть до конца столетия.

Идеи о характере народа в духе "психической этнографии" разделяли и развивали в своих трудах российские историки, географы, этнографы и антропологи 2-й полови-

ны XIX в. (подробнее см.: *Лескинен 2007б*). Эти характеристики переходили из заметок путешественников и научных исследований в так называемую "литературу для народа", в учебники и хрестоматии для народной школы, а также в курсы отечествоведения и отчизно- или родиноведения³. Они включались в серийные научные издания энциклопедического характера (почти все – многотомные), которые, как предполагалось, должны были представлять в обобщенном виде и популяризировать географические и этнографические сведения о регионах и этносах Российской империи (*Токарев 1966: 214*).

Рассматривая такую черту, как честность, необходимо уточнить, как она трактовалась в этнографических описаниях нрава. Н.И. Надеждин, в сущности, отождествлял понятия "народность" и "нрав народа", видя в народности выражение национального духа, "обычаев и нравов", т. е. "народного характера" (*Надеждин 1994: 113*). Характеристика народного нрава была введена и в вопросники программ сбора сведений по этнографии. Согласно разработанной Н.И. Надеждиным программе ИРГО (Часть этнографическая 1852), структура которой в этой части не подверглась изменениям до 1890 г. (Программа 1890), "нравственный быт" включал описание религиозных верований и народных преданий, господствующего темперамента, умственных качеств (понятливости, сообразительности), а также "понятия о... страстях и пороках, о добродетели и правде... представления о нравственной оценке их...". В созданной на ее основе, но более детализированной Программе для этнографического описания В.Д. Добижи в этом пункте пороки и добродетели также рассматривались вне социального контекста и включали такие явления и черты, как "пьянство, лживость, хитрость, мстительность и др., и местные понятия насчет степени преступности тех или иных действий" (Программа 1854: 13).

Честность не всегда относили к группе "нравственных свойств", зачастую она понималась как добродетель, связанная с темпераментом, что было обусловлено представлениями о зависимости образа жизни народа от его эмоционального склада. Темперамент описывался через такие определения, как "живой", "вялый", "медленный", "жесткий" и т. п. Например, в Программе 1890 г. в пояснении к разделу, характеризующему "умственные и нравственные" качества, говорилось: "Прежде всего нужно определить важнейшую черту характера, живость или вялость его" (Программа 1890: XLVIII). Далее перечислены основные возможные варианты определения: восприимчивость и впечатлительность, сдержанность и обдуманность, настойчивость и любознательность, внимательность, консерватизм или склонность к новым знаниям и т. п. (Там же: XLVIII–L). В обсуждаемой на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее – ОЛЕАЭ) в 1877 г. Программе для изучения сравнительной психологии в группу вопросов, которые должны были раскрыть "социальные чувства, нравственные качества и характер" народа, входили следующие: "Какие нравственные качества в особом уважении и пренебрежении?", "Держат ли слово и обещание?", "Ложь и хитрость в уважении или пренебрежении?", сразу за ними следуют вопросы о правосудии (Программа 1877: 65). Можно полагать, что в ответах на них так или иначе должно было найтись место для фиксации честности или нечестности как этнического свойства.

В Программе ОЛЕАЭ 1887 г., заимствованной у французских антропологов (Программа 1887), важна последовательность вопросов из седьмой группы "Семейные нравы и обычаи и другие национальные черты". Их перечень показывает, какие конкретно проявления понимались как качества, касающиеся представлений о честности/нечестности. При этом они по-прежнему тесно связаны с характеристикой темперамента: за вопросом № 177 "Трусливы или храбры?" следует вопрос № 178: "Верны слову или изменчивы?"; вопрос № 179 "Раздражительны или терпеливы?" предшествует № 181 о степени развитости чувства чести, а вопрос № 182 затрагивает чувство мнительности изучаемого народа. Вопрос № 183 завершает цикл: "Ложь или хитрость в почете или в

пренебрежении?" (Программа 1887: 10). Таким образом, понятие честности помимо ее первичного значения – "чувства достоинства и чести" (*Даль* 1880–1882: 4, 601), во-первых, подразумевало ее врожденный, близкий к области психических свойств и "темпераменту" характер, во-вторых, связывалось с верностью данному слову (обещанию), и в-третьих, понималось как антоним "хитрости" и "лживости". Важно отметить также, что в рассмотренных Программах не зафиксировано какое бы то ни было проявление значения нечестности в сфере действия – например воровство.

Честность народа в этнографических описаниях

В учебниках по географии европейских стран такая черта национального характера, как честность, встречается довольно часто (*Павловский* 1868; *Реклю* 1883 и др.), в частности, в характеристике народов Скандинавии – шведов, датчан, норвежцев. Авторы не пытались устанавливать взаимосвязь между конфессиональной принадлежностью и честностью, скорее, они склонны были видеть причины честности этих народов в суровых природных условиях и традициях: согласно популярным в то время антропогеографическим концепциям, природа Севера формирует нравственную строгость.

В народоописаниях Российской империи честность отмечена как черта, отчетливо заметная среди восточных славян у малороссов, причем ее доказательством выступает "редкость" в народе "случаев воровства", а объяснением служит "патриархальная чистота нравов". Но особенно частым становится упоминание о ней в характеристике нравов инородцев, в частности финно-угорских и некоторых других сибирских народов. Исследователи-этнографы полагали, что родственные этнические группы обладают схожим нравом, и рассматривали честность как одну из наиболее характерных черт финно-угорской группы (*Кастрен* 1999: 190; *ЖР* 1882: 65–76; *Ратцель* 1896: 804–805; *Кюн* 1888; *Жаков* 1903), при этом она постепенно утрачивалась этими народами под воздействием цивилизации. В этнографических описаниях лопарей (саамов) всегда отмечалась их "исключительная честность" (*Кельсиев* 1878; *Белов* 1892: 26). Несомненно честными признавались и западноевропейскими, и российскими этнографами эскимосы (*Корончевский* 1903: 37); характеристика зырян (коми) в XIX в. непременно включала указание на их честность и гостеприимство (*Белов* 1892: 25; *Корончевский* 1903: 178), а самоеды (ненцы), напротив, имели репутацию людей "лживых, на которых нельзя положиться" (*Корончевский* 1903: 178; *Зограф* 1878). Таким образом, честность как этническое свойство в этнографических обзорах и исследованиях, а также в создаваемой на их основе учебной и популярной литературе тесно связывалась с качествами, которые эпоха приписывала "нецивилизованным" народам: патриархальные нравы, радушие, гостеприимство, доброе и доверчивое расположение к чужим (пришлым), своеобразная "детская" доверчивость и наивность. Это не исключало негативных черт – у тех же ненцев, – но они по большей части объяснялись внешним воздействием.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что честность интерпретировалась как типичное качество финно-угорских народов. Одним из первых это провозгласил М.А. Кастрен еще в 1840-х годах. В путевых дневниках российский лингвист (финн по происхождению) называл тиманских самоедов "самыми честными" (*Кастрен* 1999: 177), зыряне также казались ему верными и честными (Там же: 190), а остякам (хантам) он приписывал славу "строго" соблюдающих "честность, необыкновенную услужливость, добродушие и человеколюбие..." (Там же: 83). Восхищение вызывали у него и вотяки (удмурты): "...Я не встречал в деревнях ни воров, ни туеядцев, ни любопытных зевак... Нигде меня не обманывали... вотяки также кротки, простодушны и бесхитростны, как наши финские мужики" (Там же: 24–25). Тем же народам, которые подверглись более значительному влиянию извне – лопарям и канским ненцам, – ученый приписывал "привычку" нарушать взятые на себя обязательства: "Подобно лапландцам, они (са-

моеды. – *М.Л.*) своенравны и так лживы, что на них никак нельзя положиться" (Там же).

Кастрен полагал, что причина таких различий в нравах кроется в степени воздействия более высокоразвитой культуры – в данном случае русской: "Но по мере успехов своих в образованности (они. – *М.Л.*) начали утрачивать эти прекрасные свойства..." (Там же: 83). В качестве подтверждения "порчи" исконно патриархального нрава финно-угорских народов Кастрен приводит множество примеров пьянства, морального разложения, обнищания и деградации лопарей и народов Сибири. Так, описывая путешествие к "русским лопарям", он указывал, что "торговля и беспрестанные столкновения с русскими и с карелами вывели его (лопаря. – *М.Л.*) из природного состояния невинности" (Там же: 113). Ученый исходил из известной и популярной концепции, которая доминировала в науке XIX в., хотя родилась еще в эпоху Просвещения, – о добром и чистом душой дикаре (*bon sauvage*), которого портит всякое близкое знакомство с достижениями более развитой европейской цивилизации. Согласно Кастрену, те финно-угорские народы, которые избегли соприкосновения с русской культурой, смогли сохранить прежние добродетели, и в частности патриархальную честность. Аналогично трактовали причины утраты нравственности многими инородческими народами и русские наблюдатели и этнографы (*Зограф* 1878; *Кельсиев* 1878; *Коропчевский* 1903; о некоторых особенностях такого видения см. также: *Слэзкин* 2008: гл. 3–4).

Характер финна в финляндской и российской публицистике первой половины XIX в.

Обращаясь к эволюции представлений о финне в российском восприятии, необходимо отметить, что в целом на протяжении всего XIX столетия они были в основном положительными. Такое впечатление создается благодаря позитивной оценке прежде всего его моральных качеств, "неэмоциональности" (сдержанности) и терпеливости, следствием последней считался и мирный, неконфликтный характер народа (*Соломеец* 2004; *Витухновская* 2004а; *Лескинен* 2004). В качестве негативных выступали качества, связанные с темпераментом: мрачность, упрямство, медлительность (в том числе и "умственная") и некоммуникабельность.

Определение "честный" в описании национального финского характера появляется в текстах русских публицистов, путешественников и ученых еще в 1820-е годы (*Витухновская* 2004а: 93–96; *Соломеец* 2004). Формирование образа финна в русском сознании проходило стадии, которые схематично можно обозначить так: от идиллических образов романтического этнографизма 1820–1830-х годов до негативно-иронического неприятия антиимперских националистических "проектов" в 1880–1890-х годах. Особенностью "финского случая" стало то, что в самой финляндской культуре "конструирование" национального финского характера находилось в этот период в стадии формирования. Оно осуществлялось усилиями финляндской элиты, в большинстве своем шведоязычной, а потому воздействие финского и русского видения друг друга на этом этапе можно считать двусторонним (*Вихавайнен* 2007, *Клинге* 2005б: 189–222). Однако необходимо подчеркнуть, что "финская честность" и в русско-, и в шведоязычной небеллетристической литературе первой половины XIX в. в качестве главного финского качества не выделялась, она лишь фиксировалась в общем перечне патриархальных добродетелей крестьянского народа. Этнические свойства финнов, которые приписывались им, имели явно выраженный сословный характер: трудолюбие и физическая выносливость, упорство и верность, "терпение в перенесении трудов и нужд" (*Грот* 1840: 8), смирение и послушание. Подробное описание финского характера финляндским шведом Валлениусом, приводимое в русском переводе Грота, вообще не содержало определения "честный" (Там же: 11).

В формировании, а точнее, в конструировании собственного образа финской идентичности наибольшую роль сыграли два шведоязычных деятеля финляндской культуры – Й.Л. Рунеберг (1804–1877) и З. Топелиус (младший) (1818–1898) (*Клинге* 2005б: 199). В первой половине столетия ведущая роль в этом процессе принадлежала поэту-романтику, автору гимна Финляндии Й. Рунебергу (*Koskimies* 1977). Я.К. Грот опубликовал в 1840 г. в "Современнике" русский перевод одного из его очерков, в котором Рунеберг, характеризуя типичные черты финна, писал, что тот "в высшей степени честен и чужд притворства; ибо простота и благодушие неразлучны со всякой религией" (*Рунеберг* 2004: 188). Однако поэт не рассматривал честность как главную финскую черту, а видел в ней лишь позитивно оцениваемый всеми романтиками элемент старинного уклада, сохранившегося в том числе и благодаря христианскому вероисповеданию. Честность финна для Рунеберга связана не с его законопослушанием, а с его бедностью (Там же). Автор одного из ранних очерков о финском нраве финляндский швед И. Эман (1842), отмечая честность финнов, ставил ее в один ряд с доверчивостью (чистотой неиспорченного дикаря) и с уважением к индивидуальности другого (*Эман* 1842: 240) и считал ее следствием чувства внутреннего достоинства. И Грот, и Эман уже выделяли честность как одну из наиболее "замечательных" финских добродетелей.

В 1820–1850-е годы в России источником информации о национальном характере финнов стали дневники и заметки русских путешественников. Именно тогда возник ряд устойчивых стереотипов (*Тихменова-Пеуранен* 1996). Однако честность и верность финнов данному слову только упоминаются в этих текстах, но не интерпретируются как особенно замечательное их качество (*Грот* 1840: 8; *Дершав* 1842: 25). Иногда они указываются как свойства, присущие представителям всех финских племен (например В.И. Далем в очерке о "питерских чухонцах", т. е. финнах-ингерманландцах – *Даль* 1846: 4).

В путевых записках Я.К. Грота верности слову уделено чуть больше места: "Честность финнов известна. Не только в деревнях и на большой дороге можно быть совершенно спокойным на счет своей собственности; но и в городах менее значительных воровство так необыкновенно, что жители по большей части не замыкают дверей своих на ночь" (*Грот* 1847: 73). Автор записок неоднократно фиксировал "чистоту нравов" финнов, трактуя неукоснительное соблюдение ими известной христианской заповеди как следствие этой "неиспорченности". Важно отметить, что Грот одним из первых привел конкретные примеры финской честности (иллюстрирующие неприемлемость ими воровства и бережное отношение к чужой собственности), которые в клишированном виде воспроизводятся в этнографических очерках вплоть до конца столетия. Впрочем, в одном из ранних подробных географо-статистических описаний Финляндии, отличающемся исчерпывающей полнотой и точностью приведенных сведений – Военно-статистическом обозрении Великого Княжества Финляндии, – в специальном параграфе о финских нравах честность в перечне качеств характера даже не упомянута (Военно-статистическое обозрение 1850: 41–42).

Честность в описаниях финского характера второй половины XIX столетия

Честность финнов в трудах З. Топелиуса

С середины века главным "конструктором" финской идентичности становится историк, географ, публицист, национальный финский писатель, поэт, автор сказок и учебников для детей З. Топелиус (младший), писавший, как и Рунеберг, по-шведски; его перу принадлежат первые научные описания финского нрава (*Tiitta* 1994). Логично было бы предположить, что русские очеркисты, путешественники и этнографы могли заимствовать у него информацию о чертах национального характера финнов.

3. Топелиус осуществил репрезентацию своей страны и народа в сочинении "Путешествие по Финляндии" (1873, пер. на рус. – 1875) и в его варианте, переработанном для фолианта "Финляндия в XIX столетии" (1894 – издания на финском и русском вышли одновременно). Общими чертами финского народа по Топелиусу являются: "закаленная, терпеливая, пассивная энергия, покорность судьбе и стойкая выдержка, нередко переходящая в упрямство, медлительный ход мышления, обращенный к внутренней, духовной стороне, нескорый, но тем более страшный и чрезмерный гнев... склонность выжидать, откладывать решение и жить изо дня в день... привязанность к старому; его умственные дарования нуждаются в импульсе..." и т. д. (*Топелиус* 1894: 61). Таким образом, он воспроизводил прежний (известный русским по работам первой половины XIX в.) "набор" качеств, в котором честность упоминалась лишь в качестве одной из уже известных черт доброго, неиспорченного и религиозного народа: "Верность долгу, уважение к закону, любовь к свободе, гостеприимство, честность и глубоко укоренившаяся склонность к религиозному мышлению, которая проявляется в искреннем благочестии..." (Там же). Честность в характеристике нрава никак не маркирована, она означает лишь сохранение традиционных добродетелей аграрного общества. Если честность и соотносится каким-то образом с вероисповеданием финнов, то лишь в самом общем виде: их принадлежность к христианской культуре и богобоязненность рассматриваются как дополнительные факторы, позволяющие сохранять добродетели традиционного уклада жизни.

Необходимо упомянуть еще одно сочинение Топелиуса, которое не переводилось на русский язык, но некоторым российским исследователям было знакомо. Это его книга для детей "Vårt land"/"Boken om vårt land" (1875), в финском переводе – "Маамме" или "Маамме kirja" (1876) ("Наш край"/"Книга о нашем крае"), которая вплоть до 1940 г. включалась в финскую школьную программу. Описание национального нрава, его вариантов и региональных особенностей занимает в ней весьма значимое место. Топелиус определял основные качества финского народа так: "старательный, упорный, трудолюбивый и выносливый", "закаленный", "терпеливый, жертвенный, выносливый и жизнестойкий", "мирный, мужественный, упрямый" (*Topelius* 1981: 70⁴). В этом перечне "честность" отсутствует. Однако Топелиус обращается к трактовке данного свойства в притчевой форме (Там же: 73), представляя идеальный финский тип, воплощенный в собирательном образе бедного крестьянского труженика Матти (он дается в сравнении со шведом Эриком и русским Иваном): «Матти настолько честный человек, что вынужден был слово "вор" позаимствовать из другого языка». Хотя Топелиус более ничего не поясняет, финскому читателю понятно, о чем идет речь, – финское слово *varas* (вор) якобы заимствовано из русского. Родство двух слов признавалось современной Топелиусу этимологией (*Преображенский* 1959: 98–99), однако не все разделяли первичность русской лексики. Так, Срезневский придерживался прямо противоположной концепции, утверждая, что, напротив, русское слово "вор" происходит от финского *woga* (хитрец, обманщик), *wogo* (грабитель, разбойник) (*Срезневский* 1893: 305).

Неверно было бы говорить о том, что Топелиус (или ранее Рунеберг) воспроизвели элементы финского крестьянского автостереотипа: подобные характеристики народа не были связаны с традиционными крестьянскими представлениями о "своих" и "чужих", а являли собой интеллектуальный конструкт финляндской элиты, в данном случае – иноязычной, точнее – шведоязычной.

Таким образом, представления о честности как главном и хорошо известном качестве финнов не могли быть заимствованы из финского самоописания национального характера, что подтверждается и современными исследованиями о формировании финской идентичности в XIX в.: они свидетельствуют о том, что честность как финская добродетель упоминалась, но не фигурировала в финляндской культуре как главная или наиболее значимая черта народного нрава (*Tiitta* 1994: раздел "Topeliuksen maantieteen päätemat"; *Клинге* 2005а: 224–242; *Шлыгина* 2008).

Честность "в основе характера финна"

Анализ российских описаний нрава финнов начиная с середины XIX в. позволяет констатировать, что именно честность выступает в них как главная отличительная черта национального характера. Она возглавляет список несомненных и наиболее известных его достоинств (*Лескинен* 2004). Честность выступает в качестве "основного" и "неизменного" качества: "в основе характера финна лежит замечательная честность, совершенно непоколебимая, вошедшая, так сказать, в кровь и плоть целой нации" (*ЖР* 1882: 72); "Но чем финны по справедливости стяжали славу и известность во всем свете – это своей безукоризненной честностью" (*Водовозова* 1892, № 10: 21). Такая характеристика непременно содержится в даже наиболее кратких высказываниях о финском нраве и разделяется как общественными деятелями и публицистами различных политических убеждений (*Катков* 1863: 1; *Полонский* 1872: 798), так и учеными, составлявшими энциклопедические труды, научные географо-статистические описания Российской империи (*ЖР* 1892; *Зограф* 1878; *Руднев* 1899: 53; *Семенов* и др. 1900: 110 и др.). Упомянется честность финляндских финнов почти во всех этногеографических очерках народов Российской империи, в том числе и в переводных, составленных на основании русских источников (*Ратцель* 1896: 804–805; *Реклю* 1883: 47, 50), в учебниках (*Сухаро* 1863: 35, 40; *Семенов* 1866; *Кюн* 1888: 61) и других публикациях. Очевидно, что представление о честности финнов во второй половине XIX столетия функционирует в научной и научно-популярной литературе как этнокультурный стереотип.

В перечне типичных свойств финна в этнографических описаниях преобладают добродетели человека традиционного крестьянского общества, но особенно выделяются качества, свидетельствующие об отличиях финнов от русских в отношении к труду и в социальной сфере. Честность зафиксирована в обоих случаях. В первом она связана с добросовестным и усердным трудом и самоконтролем; во втором отмечено исполнение данного слова (обещания) и соблюдение законов, касающихся собственности (особенно маркирована неприемлемость финнами воровства). Наиболее типичный и по содержанию, и по интерпретации фрагмент содержится в хрестоматии Д. Семенова (1866): "Честность финнов известна также всему миру. Не было примера, чтобы ваша вещь, потерянная во время путешествия, не нашлась... Что бы ни запродал финн в долг, на какую бы сумму не ссудил деньгами, он никогда не потребует расписки или какого-либо документа. Единственное ручательство для него – ваше честное слово..." (Там же: 213).

Отсутствие у финнов распространенного в России правила "брать на чай" (отмечаемое ранее, в первой половине века, Гротом, Далем и другими) также становится непременным атрибутом честности финнов. Так, Д. Семенов объясняет его законопослушанием финнов, соблюдением ими правовых норм: "Уважение к закону – вторая характеристическая черта финна. Закон, например, запрещает просить на чай или водку у приезжих, он и не просит" (Там же: 214). Рассуждая о стереотипе финской честности в этом ее аспекте, Т. Тихменева-Пеуранен попыталась выявить его происхождение. По ее мнению, миф о честности «рождается...из общения с финскими возчиками, не бравшими "на чай"» (*Тихменева-Пеуранен* 1996: 522). Исследовательница считает, что он связан с так называемым "межкультурным недоразумением" (cultural misunderstanding) и представляет собой пример включения "чужого" в "свое": возчики не брали денег сверх установленного в связи со штрафами, и, таким образом, русские имели дело в действительности не с чертой финского национального характера, а с соблюдением финнами законов (Там же: 522–523). Впервые это предположение высказал еще в 1840-х годах Я.К. Грот.

При очевидности такого объяснения трудно принять его в первую очередь потому, что оно не исчерпывает всего спектра значений честности, которые можно рекон-

струировать по этнографическим очеркам второй половины XIX в. Анализ различных вариантов ее понимания показывает, что они находятся в определенном соответствии со значениями данного слова в русском языке эпохи. В Словаре Даля трактовка понятия "честный" указана в трех основных смыслах: 1) связанных с честью, достоинством, 2) с прямоотой, правдивостью, "неуклонности по совести своей и долгу", а также 3) надежностью в данном слове, "честный – тот, кому во всем можно доверять" (*Даль* 1880–1882: 4, 600). Следует отметить, что и в русской традиционной культуре, и в современном языке понятие "честность" или "жить честно" включало этот элемент нравственности вообще, актуализировало такие признаки, как "жить по совести", "жить по правую копейку" (на трудовую копейку), жить "честно" – значит не развратно (*Вендина* 2007: 77). Как утверждают лингвисты, при всех вариациях значения слова в русском языке XIX в. и позже в прилагательном "честный" "...всегда выражается идея неиспорченности, незапятнанности... и, главное, следование определенным правилам", оно близко к значению слова "порядочность"; самое главное – чтобы "все было без обмана, без вранья и жульничества" (*Левонтина, Шмелев* 2005: 365–366). Именно этот спектр значений, но в более детализированной форме и с разъяснениями, мы встречаем в этнографических описаниях финнов.

Уважительное отношение финнов к чужой собственности, отсутствие воровства, жульничества, стремления поживиться за счет путника становится неизменным элементом описания финнов начиная с 1870-х годов: "Если вы забудете ваши вещи на станции... финн не возьмет их себе... не попросит на водку"... (*ЖР* 1882: 72); кражи редки даже в городах (*Сухаро* 1863: 40; *Милюков* 1865: 166; *Народы России* 1878: 107–108; *ЖР* 1882: 107; *Мостовский* 1874: 74). Рассказы о возврате чужого потерянного или забытого имущества встречаются у многих авторов (*ЖР* 1882: 75; *Меч* 1887: 93; *Водовозова* 1892, № 10: 22; *Сно* 1904: 27 и др.) Так же часты сюжеты о щепетильности финнов в денежных отношениях и обязательствах: "Финн никогда не позволит себе запросить втридорога с покупателя, никогда не воспользуется его неопытностью, незнанием цен или условий местной жизни, никогда не решится присвоить себе чужое имущество..." (*Меч* 1877: 93; *Милюков* 1865: 43). Порядочность финнов обусловила, по мнению авторов, отсутствие в Финляндии взяточничества и высокое качество всякой, в том числе и общественной, работы.

"Отчего же в маленькой, крохотной, бедной, суровой Финляндии это есть, а у нас, в великой России, нет?" (Петров 1913: 144)

Почему же "непоколебимая честность, простирающаяся до самых последних мелочей обыденной жизни", так упорно рассматривается как "общая и основная черта характера, – черта, которая так отличает вообще народ Финляндии"? (*Меч* 1887: 93; *Кюн* 1888: 61). Ответ предлагался в тех фрагментах описания, где авторы предпринимали попытки объяснить происхождение качеств финского характера. Основопологающей и принимаемой за аксиому причиной является комплекс природных факторов. Идеи географического детерминизма, как уже говорилось выше, не подвергались сомнению, климатические условия Финляндии расценивались как суровые и, следовательно, неблагоприятные для процветания страны и ее народа. Указывалось, что географическое положение Финляндии определило земледелие как основной тип хозяйственной деятельности со специфическими аграрными отношениями. Своеобразие финского крестьянского сообщества, по мнению российских авторов, заключалось в том, что крестьянин был лично свободен и не испытал пагубной для нравственности крепостной зависимости: "порядочность, скажу джентельменность народа... он свободен, свободен искони, имеет правила; он грамотен" (*Полонский* 1872: 769, 798).

С другой стороны, нрав племен, формировавшихся в условиях скудных ресурсов, напряжения сил, не был "испорчен" соблазнами богатства, корысти и т. п. (*Березин*

1878: 102; *Протасов* 1899: 19). Автор очерка в "Живописной России" так пишет об этом: "Честность, свойственная всякому дикарю, всякому человеку, живущему в простоте и тесном общении с природой, очень часто – увы! – исчезает или, по крайней мере, перестает быть преобладающей чертой типа, по мере того как народ вырастает и развивается и входит во все отношения торговой, общественной и политической жизни образованных народов..." (ЖР 1882: 75).

Важно подчеркнуть, что особенно ярко честность финнов проявляет себя в сравнении (и по контрасту) с соседними или родственными народами – русскими, карелами, эстонцами и др. (*Водовозова* 1892, № 9: 11). В этом контексте честность трактуется уже не как врожденная особенность, связанная с "темпераментом" или с сохранением архаических черт, а как социальное качество, поэтому "финны, как в домашнем быту, так и военной службе, честны и добросовестны"; "финн никогда не изменяет данной клятве или присяге" (Великое княжество Финляндское 1872: 14, 41–42; ЖР 1882: 76). Авторы, правда, расходятся в объяснении истоков проявления честности, но объединяет их убежденность в возможности ее формирования средствами цивилизации.

Некоторые считали, что она развилась в финнах под влиянием "шведских законов" (*Лебедев* 1873: 148; *Милюков* 1865: 166). Другие видели в этом заслуги финляндской церкви и добросовестности ее пасторов: "Напрасно было бы однако же думать, что эта прекрасная черта финского характера выросла и развилась в финском народном типе совершенно самостоятельно, без всякого внешнего влияния... если бы за воспитание народа не принялись люди разумные, сумевшие воспользоваться обычаями цивилизации только для того, чтобы прежде всего внушить народу глубочайшее уважение к религии и к закону" (ЖР 1882: 75). Третьи – в частности деятели народного просвещения – настаивали на определяющем влиянии крестьянской грамотности и системы образования, усматривая в них достойный и необходимый пример для подражания в России. Важно еще раз отметить, что при описании характера финнов авторы лишь констатируют их конфессиональную принадлежность, но "не видят" ее определяющей роли в складывании норм морали, поведения и социальной практики.

"Финская" честность/"русское" воровство

Итак, в 1880–1890-е годы констатация честности финнов сменяется поисками причин ее постоянства и дискуссиями о ее природе: проистекает она из страха перед уголовным наказанием или из стыда перед обнаружением обмана. Такая постановка вопроса, как нам кажется, была порождена не изменением политической ситуации в самой Финляндии или ее отношениями с имперским центром. Мы склонны предполагать, что обсуждение вопроса о природе финской честности обусловлено ходом формирования представлений российской элиты о русской идентичности, центральным звеном которых были рассуждения о великорусском крестьянском характере. Рассматривая особенности его описания в пореформенную эпоху, мы столкнулись с остротой проблемы крестьянской нравственности, точнее, отступлений от нее (об этом см.: *Лескинен* 2007а). Одним из наиболее осуждаемых образованной элитой общества пороков после пьянства, невежества и грубости нравов становится "русская склонность" к воровству. После длительной идеализации русского крестьянства разночинской и дворянской интеллигенцией в 1840–1860-х годах "открытие" ею "истинного мужика" в его собственном мире повлекло за собой много разочарований, но поистине драматично воспринято было знакомство, в частности, с крестьянскими представлениями и нормами, касающимися прав собственности.

Публицистика, переписка, этнографические и педагогические очерки 1870–1890-х годов так или иначе обращались к этой теме. Тяга – как виделось наблюдателям – "русского мужика" к воровству не иссякла даже с его освобождением от крепостной зави-

симости и развитием школьного образования. Несоответствие идеалу народа-богоносца, в особенности касающееся отношения к чужой собственности (помещичьей или – после реформ – "господской", государственной, иногда и общинной), они объясняли по-разному. Не имея возможности представить в данной работе анализ всего спектра мнений, приведем лишь несколько наиболее характерных объяснений, относящихся к великорусскому крестьянству европейского Нечерноземья.

Педагог Н.Ф. Бунаков, указывая на различие в этой сфере понятий "своей" и "чужой" собственности («крестьяне и теоретически не считают предосудительным и несправедливым со своей стороны кражу или обман по отношению ко всякому, кто "не свой брат, не крестьянин"»), объяснял его социальными противоречиями и последствиями крепостного права (Бунаков 1909: 157). Этнограф-любитель, дочь П.П. Семенова-Тян-Шанского Ольга усматривала причину в "одном из самых глубинных и твердых крестьянских убеждений... что земля когда-нибудь вся должна перейти в их руки" (Семенова-Тян-Шанская 1914: 105). Л. Толстой, анализируя "взгляды на честность", имеющие своим следствием принципиально различные стратегии в отношении "своих" и "чужих", рассматривал их как универсальные человеческие качества, присущие всем сословиям (Толстой 1964: 28). Известный и недооцененный в качестве первого и весьма проникательного "крестьяноведа" А.Н. Энгельгардт, предвосхитив выводы специалистов юридической этнологии, определял корень зла так: "Конечно, крестьянин не питает безусловного, во имя принципа, уважения к чужой собственности, и если можно, то пустит лошадь на чужой луг или поле, точно так же, как вырубит чужой лес, если можно, увезет чужое сено, если можно – все равно, помещицье или крестьянское, – точно так же как и на чужой работе, если можно, не будет ничего делать... Зачем же крестьянин будет заботиться о чужом добре, когда сам хозяин не заботится?" (Энгельгардт 1987: 103–104). Такое поведение продиктовано, с его точки зрения, очевидным крестьянским прагматизмом.

Следует отметить, что уже первые труды по юридической этнографии в последней трети XIX в. выявили особенности правового сознания крестьянства в различных регионах империи и тем самым осветили некоторые причины рассмотренного выше "культурного недоразумения". Современные исследователи объясняют ужасавшие наблюдателей "отступления от норм христианской нравственности" своеобразием "моральной экономики", видят в них "формы обыденного сопротивления крестьянства" (Scott 1977; Шанин 1996), интерпретируют их как реакцию на модернизацию, конфликт различных "габитусов" и социально-культурных практик (Бурдые 1994). Причины, так или иначе, кроются в ином взгляде на собственность.

Российские авторы размышляли о причинах разительного контраста между финнами и "своими", русскими (как они его представляли – Лескинен 2008) – тем более явно, что его нельзя было оправдать различием природных факторов. Как мы полагаем, именно актуальностью проблем русской нравственности, столь значимых в процессе складывания представлений о русском национальном характере, можно объяснить повышенный интерес к финской честности во второй половине XIX в. При этом ее проявления фиксируются более тщательно и рассматриваются в обязательном сравнении со "своими". Обогащается спектр значений честности, предпринимаются попытки поиска причин появления и стабильного присутствия этой черты у финнов. И хотя врожденность честности как свойства нрава еще не ставится под сомнение, возникает вопрос о возможности ее "выработки" как социально формируемого качества.

Можно с уверенностью утверждать, что ставшее стереотипным для русской культуры во второй половине XIX в. представление о финской честности постепенно, в процессе складывания финской идентичности, трансформировалось и в финский автостереотип – не без российского влияния. Разумеется, это тема отдельного исследования. В данном случае, не пытаясь ответить на вопрос, когда именно это произошло, следует отметить, что в том или ином виде этот стереотип функционировал в россий-

ском и финском сознании в течение всего XX в. (*Мустайоки, Протасова* 2004; Финны 2007). И в последние десятилетия обсуждение проблемы сохранения/изменения финской идентичности в связи с европейской интеграцией непременно касается вопроса честности финнов именно в тех аспектах, которые были представлены в российских очерках финского "нрава" второй половины XIX в.

Примечания

¹ Автор выражает благодарность д. филол. н. Е.Е. Левкиевской за возможность ознакомления с рукописью неопубликованной статьи и за научную консультацию.

² Под словосочетанием "нрав народа" (в данном значении в единственном числе) понимались "свойства целого народа... не столько зависящие от личности каждого, сколько от условно принятых, житейских правил, привычек, обычаев" (*Даль* 1880–1882: 2, 558). Термин "нравы" (во множественном числе) трактовался как обычаи (обыкновения) и традиции народа, но мог использоваться и в значении "нормы нравственности", особенно в этнографических описаниях.

³ Отечествоведение – курс географии Российской империи; родино- или отчизноведение – предмет в начальной школе, объединявший элементы природоведения и краеведения, основанный на методах наглядного обучения.

⁴ Здесь и далее, согласно принятой в финляндской историографии традиции, ссылки на издание осуществляются не постранично, а по главам.

Источники и литература

- Байбурин* 1985 – *Байбурин А.К.* Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 7–17.
- Бартминьский* 2005 – *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике. М., 2005.
- Белов* 1892 – *Белов В.* Описание Архангельской губернии для народных училищ (родиноведение). Архангельск, 1892.
- Березин* 1878 – Народы земли. Географические очерки жизни человека на земле / Под ред. Н. Березина. Т. 3: Россия. Финские народности. СПб, 1878.
- Березович, Гулик* 2002 – *Березович Е.Л., Гулик Д.П.* Ономаσιологический портрет "человека этнического": принципы построения и интерпретация // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте. М., 2002. С. 232–253.
- Бунаков* 1909 – *Бунаков Н.Ф.* Записки. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб., 1909.
- Бурдые* 1994 – *Бурдые П.* Начала. М., 1994.
- Ван Дейк* 1989 – *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Вежбицкая* 1997 – *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Коммуникация. М., 1997.
- Вежбицкая* 2001 – *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Великое княжество Финляндское 1872 – Великое княжество Финляндское (Издание ж-ла "Мирской вестник"). СПб., 1872.
- Вендина* 2007 – *Вендина Т.И.* Из Кирилло-Мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007.
- Витухновская* 2004а – *Витухновская М.* Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 89–143.
- Витухновская* 2004б – *Витухновская М.* О Григории Петрове // *Петров Г.* Финляндия. Страна белых лилий / Пер., сост., коммент. и вступит. статья М. Витухновской. СПб., 2004. С. 7–39.
- Вихавайнен* 2007 – *Вихавайнен Т.* Великое Княжество Финляндское – часть государства, но не часть России // Два лика России. Образ России как фундамент финской идентичности / Пер. с фин. СПб., 2007. С. 11–26.
- Водовозова* 1892 – *Водовозова Е.Н.* Финляндия. Страна и народ // Мир Божий. 1892. № 9–11.
- Военно-статистическое обозрение 1850 – Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Издаваемое по Высочайшему повелению при Первом Отделении Департамента Гене-

- рального Штаба. В 18 т. 1837–1854. Т. 1: Великое Княжество Финляндия. Ч. 3. Абоско-Бьернборгская губерния. СПб., 1850.
- Григорьева* 2002 – *Григорьева Н.В.* Путешествие в русскую Финляндию. Очерки истории и культуры. СПб., 2002.
- Грот* 1840 – *Грот Я.К.* О финнах и их народной поэзии // *Современник*. 1840. Т. 19. С. 5–101.
- Грот* 1847 – *Грот Я.* Переезды по Финляндии от Ладожского озера. Путевые записки Якова Грота. СПб., 1847.
- Даль* 1846 – *Даль В.И.* (Нравоописатель В. Луганский). Чухонцы в Питере // *Финский вестник*. 1846. Т. 8. Отд. III. С. 1–8.
- Даль* 1880–1882 – *Даль В.И.* Словарь живаго великорусского языка. В 4 т. СПб.; М., 1880–1882.
- Деришау* 1842 – *Деришау Ф.* Финляндия и финляндцы. СПб., 1842.
- Жаков* 1903 – *Жаков К.Ф.* Некоторые черты из истории и психологической жизни вотяков (историко-этнографический очерк) // *Живая старина*. Год XIII. Вып. 1. СПб., 1903. С. 172–187.
- ЖР* 1882 – *Живописная Россия*. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном и экономическом и бытовом значении / Под общ. ред. П.П. Семенова. Т. II. Ч. 1. Северо-западные окраины России. Великое Княжество Финляндское. СПб.; М., 1882.
- Зограф* 1878 – *Зограф Н.Ю.* Антропологический очерк самоедов. М., 1878.
- Кастрен* 1999 – *Кастрен М. А.* Соч. В 2 т. / Пер. А. Шифнера. Тюмень, 1999.
- Катков* 1863 – *Катков М.Н.* Моск. ведомости. 1863. № 196.
- Кельсиев* 1878 – *Кельсиев Д.А.* Поездка к лопарям. Письма и предварительные отчеты Комитету по устройству Антропологической выставки. М., 1878.
- Клинге* 2005а – *Клинге М.* Имперская Финляндия / Пер. с фин. СПб., 2005.
- Клинге* 2005б – *Клинге М.* На чужбине и дома / Пер. с фин. СПб., 2005.
- Корончевский* 1903 – *Корончевский Д.А.* Первые уроки этнографии. М., 1903.
- Крысин* 2002 – *Крысин Л.П.* Лингвистический аспект изучения этностереотипов (постановка проблемы) // *Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте*. М., 2002. С. 171–174.
- Куприянов* 2004 – *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // *Этнограф. обозрение* (далее – ЭО). 2004. № 2. С. 21–38.
- Кюн* 1888 – *Кюн К.* Народы России. СПб., 1888.
- Лебедев* 1873 – *Лебедев Е.А.* (сост.). Учебная книга географии. Российская империя. Курс гимназический. СПб., 1873.
- Левкиевская* 2007 – *Левкиевская Е.Е.* Украинцы глазами русских: эволюция этнокультурных и языковых стереотипов. Рукопись статьи.
- Левонтина, Шмелев* 2005 – *Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* "За справедливостью пустой" // *Записки А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 358–377.
- Лескинен* 2004 – *Лескинен М.В.* Образ финна в российских популярных этнографических очерках последней трети XIX в. // *Многоликая Финляндия...* С. 154–191.
- Лескинен* 2007а – *Лескинен М.В.* Образование "для народа": теория и практика диалога с крестьянином в России последней трети XIX в. // *Человек на Балканах*. Социокультурные изменения процесса модернизации на Балканах. СПб., 2007. С. 113–147.
- Лескинен* 2007б – *Лескинен М.В.* Понятие "нрав народа" в российских этнографических концепциях второй половины XIX века // *Славянский альманах*. 2006. М., 2007. С. 281–311.
- Лескинен* 2008 – *Лескинен М.В.* Понятие "нрав народа" и этнические стереотипы в отечественной этнографии второй половины XIX века // *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре*. М., 2008. С. 70–80.
- Меч* 1887 – *Меч С.* Финляндия. Географический очерк. М., 1887.
- Милюков* 1865 – Путевые впечатления на севере и юге А. Милюкова. СПб., 1865.
- Мостовский* 1874 – *Мостовский М.* Этнографические очерки России. М., 1874.
- Мустайоки, Протасова* 2004 – *Мустайоки А., Протасова Е.Ю.* Финско-русские несоответствия // *Образ Финляндии и финнов в России*. Новгород, 2004. С. 375–396.
- Надеждин* 1994 – *Надеждин Н.И.* Об этнографическом изучении народности русской // ЭО. 1994. № 1. С. 107–117.
- Народы России* 1878 – *Народы России*. Живописный альбом. Вып. 2. СПб., 1878.
- Николаева* 2000 – *Николаева Т.М.* Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // *Язык как средство трансляции культур*. М., 2000. С. 112–131.

- Павловский* 1868 – Природа и люди. Курс географии, содержащей описание частей света в физическом, этнографическом и политическом отношениях. Вып. 1 / Сост. и изд. А. Павловский. СПб., 1868.
- Петров* 1913 – *Петров Г.С.* Наши пролежни. М., 1913.
- Плетнев* 1842 – *Плетнев Н.* Финляндия в русской поэзии // Альманах в память двухсотлетнего юбилея Императорского Александровского университета, изданный Я.К. Гротом. Гельсингфорс, 1842. С. 135–185.
- Полонский* 1872 – *Полонский Л.* Несколько дней в Финляндии Из поездки в Гельсингфорс // Вестник Европы. 1872. № 4. С. 766–802.
- Преображенский* 1959 – *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. В 2 т. Т. 1. М., 1959.
- Программа 1854 – Программа для этнографического описания губерний Киевского учебного округа, составленная по поручению Комиссии, высочайше утвержденная при Университете святого Владимира, действительными членами Князем В.Д. Добижею и (по языку) А.А. Метлинским. Киев, 1854.
- Программа 1877 – Четвертое заседание Комитета от 31.03.1877 (сообщение В.Н. Бензенгра) // Известия ОЛЕАЭ при Императорском Московском университете. Т. XXVII. Антропологическое отделение. Т. I. М., 1877.
- Программа 1887 – Программа для собирания этнографических сведений, составленная при Этнографическом Отделении ОЛЕАЭ. М., 1887.
- Программа 1890 – Программа для собирания сведений по этнографии. Императорское русское географическое общество // Живая старина. 1890. № 1. Раздел II. С. XLVII–LII.
- Протасов*, *Мустайоки* 2002 – *Протасов (М.)*. Народные чтения. Финляндия. СПб., 1899.
- Протасова*, *Мустайоки* 2002 – *Протасова Е., Мустайоки А.* "Мы" и "они": русские и финны о русских и финнах // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. Воронеж, 2002. С. 14–49.
- Ратцель* 1896 – *Ратцель Ф.* Народоведение. В 2 т. Т. 2 / Пер. с нем. СПб., 1896.
- Реклю* 1883 – *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география. Т. 5. Вып. 2: Европейская Россия. СПб., 1883.
- Руднев* 1899 – Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Сб. для народного чтения. Т. II: Финляндия, Озерная область и Прибалтийский край / Сост. Я.И. Руднев. СПб., 1899.
- Рунеберг* 2004 – *Рунеберг Й.Л.* Избранное. Лирика / Пер. Я. Грота. СПб., 2004.
- Семенов* 1866 – Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Учебное пособие для учащихся. Составил Д. Семенов. Т. 1. Ч. 2: Финляндия. СПб., 1866.
- Семенов и др.* 1900 – Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. Т. III: Озерная область. СПб., 1900.
- Семенова-Тян-Шанская* 1914 – *Семенова-Тян-Шанская О.* Жизнь "Ивана". Очерки быта крестьян одной из черноземных губерний // Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. 39. СПб., 1914.
- Слэзкин* 2008 – *Слэзкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008.
- Сно* 1904 – *Сно Е.Э.* В стране скал и озер. СПб., 1904.
- Сойни* 2004 – *Сойни Е.Г.* Образ Финляндии в русском искусстве и литературе конца XIX – первой трети XX века // Многоликая Финляндия... С. 192–238.
- Соколовский* 1993 – *Соколовский С.В.* Этнографическое исследование: идеал и действительность // ЭО. 1993. № 2. С. 3–13; № 3. С. 3–14.
- Соломец* 2004 – *Соломец И.М.* От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Многоликая Финляндия... С. 143–153.
- Срезневский* 1893 – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. 1893–1912. Т. 1. СПб., 1893.
- Стефаненко* 2000 – *Стефаненко Т.* Этнопсихология. М., 2000.
- Сухаро* 1863 – Природа и люди в Финляндии, или Очерки Гельсингфорса / Сост. В. Сухаро. СПб., 1863.
- Тихменева-Пеуранен* 1996 – *Тихменева-Пеуранен Т.* Восприятие русскими путешественниками Финляндии в первой половине XIX века // Россия и Запад: диалог культур. М., 1996. С. 518–523.

- Токарев* 1966 – *Токарев С.А.* История русской этнографии. М., 1966.
- Толстой* 1964 – *Толстой Л.Н.* Собр. соч. В 20 т. Т. 15. М., 1964.
- Толстой* 1983 – *Толстой Н.И.* О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос)*. Л., 1983. С. 181–190.
- Топелиус* 1875 – *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С подлинными картинами / Пер. со швед. Ф. Хеурена. Гельсингфорс, 1875.
- Топелиус* 1894 – *Топелиус З.* Народ // *Финляндия в XIX столетии, изображенная в словах и картинах финляндскими писателями и художниками* / Гл. ред. Л. Мехелин. Гельсингфорс, 1894. С. 55–67.
- Финны 2007 – Финны не прошли тест на честность (2007. 12 янв.) // *Вокруг света* (<http://www.vokrugsveta.ru/news/104>).
- Часть этнографическая 1852 – Часть этнографическая (Надеждин Н.И.) // *Свод инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Императорским Российским Географическим Обществом*. СПб., 1852. С. 17–30.
- Шанин* 1996 – *Шанин Т.* Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм // *Крестьяноведение: Теория. История. Современность*. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 8–25.
- Шлыгина* 2008 – *Шлыгина Н.В.* Проблемы самоидентификации финнов в современной литературе // *ЭО*. 2008. № 1. С. 133–144.
- Эман* 1842 – *Эман И.Э.* О национальном характере финнов // *Альманах в память двухсотлетнего юбилея Императорского Александровского университета, изданный Я.К. Гротом*. Гельсингфорс, 1842. С. 235–246.
- Энгельгардт* 1987 – *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1987.
- Bartmiński* 1986 – *Bartmiński J.* Czym zajmuje się etnolingwistyka? // *Akcent*. № 4 (26). Lublin, 1986.
- Kiparski* 1945 – *Kiparski V.* Suomi Venäjän kirjallisuudessa. Helsinki, 1945.
- Koskimies* 1977 – *Koskimies R.* Runebergin Suomi. Esseitä kansallisherätyksen viheilta // *Suomi*. № 121. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 1977.
- McDonald* 1993 – *McDonald M.* The Construction of Difference: an anthropological Approach to Stereotypes // *Inside European Identities: Ethnography in Western Europe*. Providence, 1993.
- Oakes* 1994 – *Oakes P.J.* Stereotyping and Social Reality. Oxford, 1994.
- Quasthoff* 1998 – *Quasthoff U.* Etnocentryczne przetwarzanie informacji. Ambiwalencja funkcji stereotypów w komunikacji międzykulturowej // *Język a kultura*. T. 12 / Red. J. Anusiewicz, J. Bartmińskiego. Wrocław, 1998.
- Scott* 1977 – *Scott J.* The Moral Economy of Peasant. Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Heaven, 1977.
- Tiitta* 1994 – *Tiitta A.* Harnaankiven maa. Zacharias Topelius ja Suomen maantiede. Helsinki, 1994.
- Topelius* 1981 – *Topelius S.* Maamme kirja / Пер. на фин. П. Каяндер. Изд. 58-е. Helsinki, 1981.

M. V. L e s k i n e n. "Finnish Honesty" in Nineteenth-Century Russian Popular Scholarly Literature: on the Issue of Shaping an Ethnic-Cultural Stereotype

Keywords: nineteenth-century Russian ethnography, Grand Duchy of Finland, ethnic-cultural stereotype of the Finn, national character, national ideology in the Russian Empire

The article ventures into an exploration of the origins and functioning of the stereotypical notion of "Finnish honesty" that emerged in the conceptions and projections of Russian scholarship of the second half of the nineteenth century. The author analyzes an array of texts pertaining to the popular scholarship genre, including ethnographic descriptions and anthropological essays, but purposefully sets aside the question of the image of Finns in fiction writing. By tracing discourse trends and reconstructing various meanings attached to the notion of "honesty", she draws a complex outline of this unique cultural issue.